

*Посвящается Сэмми —
читателю и автору в одном лице.
Люблю тебя бесконечно.
Целую и обнимаю, мама*

Вдруг ты уснешь?
Уснешь — и сон увидишь,
И в сновидении окажешься в раю,
Цветок сорвешь там дивный и прекрасный,
А пробудившись ото сна, узришь
Цветок в руке своей?
О, что тогда?..

Сэмюэль Тейлор Кольридж

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

2001 ГОД

Истинная любовь
похожа на привидение:
все о ней говорят,
но мало кто ее видел.

Франсуа де Ларошфуко. Максима 76.
Перевод Э. Линецкой

ГЛАВА 1

В первый раз Росс Уэйкман едва не отправился на тот свет. Ему почти повезло. Вторая и третья попытка покончить с собой оказались не столь удачными.

Во второй раз он уснул за рулем, и машина, съехав с моста, свалилась в озеро. Спасатели обнаружили Росса на берегу. Когда «хонду» вытащили из воды, выяснилось, что все дверцы заперты и ни одно из стекол не выбито, хотя их покрывает паутина трещин. Каким образом Уэйкман выбрался из машины, оставалось за пределами понимания. Не говоря уже о том, как он умудрился не получить ни единой царапины.

В третий раз на него в Нью-Йорке напал грабитель. Он оглушил свою жертву ударом по голове, выхватил бумажник, а потом выстрелил Россу в спину и бросил умирать. Пуля вполне могла бы раздробить лопатку и пробить легкое, но этого не произошло. Невероятно, но она застряла в кости, и этот крохотный кусочек свинца с тех пор болтался у Росса на связке ключей вместо брелока.

Что же касается первого раза... Много лет назад гроза застигла Росса посреди поля. Молния, прекрасный голубой зигзаг, раскроила небеса и поразила его в сердце. Потом, когда Росс очнулся, врачи сообщили ему, что в течение семи минут он был фактически мертв. Они полагали, что молния прошла по касательной. Если бы в грудную клетку Росса ударил разряд с силой тока пятьдесят тысяч ампер, жидкость, содержащаяся в клетках организма, закипела бы и тело взорвалось бы в прямом смысле слова. Однако молния ударила рядом, и сила тока, поразившая

Росса, была изрядно снижена, хотя этого оказалось довольно, чтобы нарушить ритм его сердца. Да, чертовски vezучий парень! — повторяли врачи.

Они ошибались.

Теперь, расхаживая в темпоте по скользкой влажной крыше дома супругов О'Доннелл, Росс даже не думал об осторожности. Прохладный августовский ветер, прилетевший с озера Онтарио, играл длинными волосами Росса, и они падали ему на глаза; струйки дождя проникали за ворот. Невзирая на эти помехи, Уэйкман, ловко подобравшись к стрельчатому окну, установил водонепроницаемую видеокамеру, позволявшую следить за тем, что происходит на чердаке.

Ботинок скользнул по старой крыше, посыпалась драпка. О'Доннелл, стоявший внизу под зонтом, бросал на Росса встревоженные взгляды.

— Осторожнее! — время от времени кричал он.

Росс знал, что ему хочется добавить: «Привидений у нас и так достаточно».

А еще он был уверен: с ним ничего не случится. Он не сорвется с крыши; он не полетит вниз и не разобьется. Именно поэтому Росс отваживался на самые рискованные трюки; именно поэтому он вновь и вновь подвергал себя опасности. Перепробовал все: скалолазание, прыжки с высоты «на резинке», курение крэка... Он помахал мистери О'Доннеллу в знак того, что все слышит. У Росса Уэйкмана не было ни малейших сомнений: он не умрет, хотя отчаянно желает смерти. Это так же ясно, как и то, что через восемь часов взойдет солнце и для него, Росса, начнется новый день.

Спенсер Пайк, разбуженный плачем ребенка, сел в постели. В каждой комнате дома престарелых «Тенистые сосны» горели ночные лампы, пожирившие столько электричества, что, по мнению Пайка, его хватило бы, чтобы осветить весь Берлингтон. Тем не менее Спенсер не различал ничего дальше спинки своей кровати. Из-за этой чертовой

катаракты он вообще мало что видел. Но иногда, по пути в туалет, он замечал, как из зеркала на него глядит некто, чье лицо не бороздят морщины и не покрывают пигментные пятна. Потом этот молодой человек, которым был когда-то Спенсер, исчезал — и старику приходилось довольствоваться крохами, оставшимися от его жизни.

Однако слух у него все еще был острым. В отличие от большинства жалких старперов, населяющих этот дом, Спенсер не нуждался в слуховом аппарате. Он слышал даже то, что вовсе не хотел бы слышать.

Например, детский крик, который повторился снова.

Спенсер нащарил кнопку вызова медсестры. Несколько минут спустя она вошла в комнату:

— Что случилось, мистер Пайк?

— Какой-то ребенок плачет.

Сестра поправила подушки и заставила его лечь.

— Здесь нет никаких детей, мистер Пайк, и вы это прекрасно знаете. Это вам приснилось. — Она погладила его по костлявому плечу, некогда сильному и крепкому. — Все, что вам надо, — закрыть глазки и снова уснуть. Завтра у вас непростой день. Вы ведь помните о встрече?

«С какой стати она сюсюкает со мной, как с младенцем? — пронеслось в голове у Спенсера. — И почему сам я веду себя будто малое дитя?» Он позволил сестре укрыть его одеялом до подбородка. Воспоминания комом подступали к горлу — туманные воспоминания, от которых на глазах закипали слезы.

— Может, принести вам напроксен? — ласково спросила сестра.

Спенсер покачал головой. В конце концов, он был ученым и прекрасно знал, что лекарства, способного облегчить его боль, человечество не изобрело.

В жизни Кёртис Уорбертон был куда меньше ростом, чем казался на телеэкране, но в полной мере сохранял свое прославленное обаяние. Именно благодаря этому обаянию

шоу «Богемские ночи» имело столь высокий рейтинг. В темных волосах Кёртиса, напоминавших мех скунса, посверкивала седая прядь, появившаяся девять лет назад, в ту памятную ночь, когда у его кровати возник призрак деда. С тех пор, кстати, и началось увлечение Кёртиса паранормальными явлениями. Его жена Мэйлин, женщина эльфийской наружности, чьи экстрасенсорные способности были хорошо известны полиции Лос-Анджелеса, сидела рядом и что-то чиркала в блокноте, слушая, как Кёртис расспрашивает хозяев дома.

— Поначалу это произошло в кухне, — сообщила Ив О’Доннелл, а ее муж кивнул.

Супруги-пенсионеры купили дом на берегу озера, чтобы отдыхать здесь летом. И что же? В течение трех месяцев не реже двух раз в неделю тут случалось нечто, выходящее за рамки обычного!

— Около десяти часов утра я заперла все двери, включила сигнализацию и отправилась на почту. Когда я вернулась, сигнализация по-прежнему работала... но все кухонные шкафы были открыты, а на столе валялась коробка с овсяными хлопьями, из которой почти все высыпалось. Я подумала: наверное, Харлан пришел домой раньше меня и устроил беспорядок. Стала его звать, но он не откликнулся.

— Я все это время провел в клубе «Лоси», — вставил ее супруг. — В доме никого не было. Ровным счетом никого.

— А еще мы слышали, как на чердаке играют на каком-то клавишном инструменте. Это было ночью, часа в два. Когда мы поднялись на чердак, музыка стихла. Но на полу стояло детское игрушечное пианино без батареек.

— У нас никогда не было игрушечного пианино, — добавил Харлан. — И детей у нас тоже никогда не было.

— Мы вставили в пианино батарейки, и выяснилось: оно играет вовсе не ту мелодию, что мы слышали, — сообщила его жена и, немного помолчав, добавила: — Мистер Уорбертон, надеюсь, вы понимаете, что мы не из тех людей,

которые... которые верят в подобные вещи. Но... или здесь творится какая-то чертовщина, или мы оба сошли с ума.

— Миссис О'Доннелл, уверяю вас, вы отнюдь не сошли с ума. — Кёртис коснулся ее руки, демонстрируя свое фирменное участие. — Не далее чем завтра утром мы выясним, что у вас происходит.

Он бросил взгляд через плечо, дабы удостовериться, что Росс записывает разговор на камеру. В зависимости от того, как повернутся события, супруги О'Доннелл могут стать звездами одного из ближайших выпусков «Богемских ночей». В этом случае пленка будет необходима. На электронную почту Уорбертонов каждый день приходили сотни писем от людей, убежденных, что в их домах завелись привидения. В восьмидесяти пяти случаях из ста паранормальные явления оказывались мистификацией или проделками мышей, поселившихся в стропилах. Что же касается оставшихся пятнадцати процентов... то, надо признаться, Росс работал в шоу достаточно долго, чтобы понять: иногда в этом мире происходит нечто необъяснимое.

— А какие-нибудь еще странные явления вы наблюдали? — уточнил Кёртис. — Или, возможно, замечали странные колебания температуры?

— Да-да! — поспешно закивал Харлап. — В спальне вдруг сделалось адски жарко, а минуту спустя мы дрожали от холода.

— В доме есть какие-то места, где вы чувствуете себя особенно неуютно?

— Чердак, несомненно. И ванная комната — та, что наверху.

Взгляд Кёртиса скользнул по восточному ковру ручной работы, по антикварной вазе, стоящей на камине.

— Должен вас предупредить: наши исследования требуют затрат.

По заданию Уорбертона Росс уже побывал в библиотеке и газетном архиве, пытаясь выяснить, не связана ли с этим домом какая-нибудь жуткая история, например убийство или самоубийство. Его изыскания не дали ре-

зультата, но Кёртиса это ничуть не разочаровало. Он знал: призраки могут облюбовать какой-то дом, а могут преследовать конкретного человека. А история если и была... то зачастую она неуловима, как легчайший аромат духов или туманные образы, мелькающие перед нашим внутренним взором.

— Деньги нас не волнуют, — заявила Ив О’Доннелл. — Мы заплатим, сколько потребуется.

— Отлично! — улыбнулся Кёртис и хлопнул себя по колену. — Что ж, не будем терять времени. Работы предстоит много.

Эта фраза всегда служила Россу сигналом к действию. В его обязанности входила установка различных электромагнитных устройств, видеокамер, инфракрасных термометров и тому подобного. Зарплата у него была чисто символическая, хотя и само шоу, и клиенты вроде нынешних приносили впечатляющий доход. Девять месяцев назад, на Хэллоуин, узнав о шоу Уорбертонов из «Лос-Анджелес таймс», Росс упросил Кёртиса принять его на работу. В отличие от Кёртиса и Мэйлин, сам он еще ни разу не видел призраков, но отчаянно этого хотел. Как надеялся Росс, особым чутьем на призраков можно заразиться, словно ветрянкой. И как следы от перенесенной ветрянки порой остаются на всю жизнь, так и способность видеть привидения сохранится у него навсегда.

— Думаю, мне стоит проверить чердак, — бросил Росс.

Он помедлил в дверях, ожидая, пока Ив О’Доннелл покажет ему путь.

— Я чувствую себя полной идиоткой, — призналась она, хотя Росс ни о чем ее не спрашивал. — В мои-то годы увидеть Каспера...¹

— Привидение может слегка припугнуть — так, что вас оторопь возьмет, — но оно не причинит вам вреда, — улыбнулся Росс.

---

¹ *Каспер* — киногерой, безобидное и дружелюбное привидение. — *Здесь и далее примеч. перев.*

— О, я знаю, она не станет этого делать.

— Она?

Ив помолчала, явно пребывая в нерешительности.

— Мой муж считает, что мы не должны вам рассказывать слишком много, — наконец произнесла она. — Говорит, если вы хоть какую-нибудь мелочь выясните сами, мы поймем, на что вы способны. Но я чувствую, что должна вам сказать... — Она вздрогнула, бросив взгляд на узкую лестницу. — Моя младшая сестра умерла совсем маленькой, когда мне было семь лет. И иногда мне кажется... Как вы думаете, все это может иметь отношение к ней?

— Не знаю, — пожал плечами Росс, жалея, что не может дать ей более конкретный ответ, поделиться собственным опытом. — Сюда? — спросил он, заметив маленькую дверь наверху.

Ив кивнула и пропустила его вперед. Росс открыл дверь. Видеокамера, которую он вчера установил на окне снаружи, наблюдала за ними, как глаз циклопа. Ив обхватила себя за плечи:

— Когда поднимаюсь сюда, меня всегда пробивает дрожь.

Росс передвинул несколько ящиков, чтобы на пленке не осталось случайных теней.

— По словам Кёртиса, есть только один способ все выяснить. Надо делать то, что подсказывают ваши чувства. — Заметив, как на полу что-то поблескивает, Росс опустился на колени и подобрал несколько мелких монет. — Шесть центов, — усмехнулся он. — Прodelки призрака, я так понимаю?

— Да, иногда она это делает, — пробормотала Ив, направляясь к двери. — Оставляет нам мелочь.

— Вы имеете в виду привидение? — повернулся к ней Росс, но Ив уже спускалась по лестнице.

Росс глубоко вдохнул, плотно закрыл дверь и выключил свет. Маленький чердак погрузился в темноту. Росс встал так, чтобы оказаться вне обзора видеокамеры, и вклю-

чил ее, пользуясь дистанционным пультом. Потом сфокусировал внимание на обступившей его темноте, ощущая, как она давит на грудь и на колени. Именно так учил его Кёртис Уорбертон. Росс напрягал свои органы чувств все сильнее и сильнее. Наконец тонкий ледок недоверия растаял, и пространство вокруг ожило. «Должно быть, момент настал, — мелькнуло у него в голове. — Наверное, когда дух приближается, ты ощущаешь, как к горлу подкатывает ком».

Откуда-то слева донесся шорох шагов и затем звон монет, упавших на пол, — звук, который невозможно перепутать с каким-либо другим. Росс включил фонарь и осветил пол около собственных ботинок. Еще три мелкие монетки.

— Эйми? — прошептал он в пустоту. — Это ты?

Комтусук, городок в штате Вермонт, имел естественные границы: с одной стороны — озеро Шамплейн, с другой — скалы, окружавшие гранитную каменоломню, где работала половина жителей города. Далее тянулась гряда холмов, за которыми раскинулся Берлингтон. На стене церкви, возвышавшейся на центральной площади городка, красовался почетный знак, сообщавший, что в 1994 году Комтусук был признан самым красивым городом в штате. Вполне заслуженное звание. Бывали дни, когда, глядя на деревья, полыхавшие всеми красками осени, от золотистого янтаря до яркого рубина, Илай Рочерт ощущал, как у него захватывает дыхание от восторга.

Комтусук, который ежегодно посещали полчища туристов, был родным домом для Илая. Он здесь родился и надеялся провести в этом городе всю оставшуюся жизнь. Разумеется, будучи одним из двоих местных офицеров полиции, он знал: Комтусук, каким его видят туристы, — иллюзия. Илай давно уже понял: люди, как правило, не в состоянии разглядеть того, что скрыто за красивой упаковкой.

Совершая ночной патрульный объезд, он двигался по улице, ведущей к городскому кладбищу. В небе сияла луна, круглая и желтая, как глаз ястреба. Хотя стекла были опущены, в машину не проникало даже малейшего ветерка. Короткие черные волосы офицера взмокли от пота. Пес Илая, здоровенный блаухаунд по кличке Ватсон, тяжело дышал, развалившись на соседнем сиденье.

Надгробные памятники замерли, как солдаты в строю. В левом углу кладбища под березой находилась самая старая могила в Комтусуке. Надпись на памятнике гласила: «Уинни Спаркс. 1835–1901/1911». Согласно легенде, когда гроб с телом этой сварливой и раздражительной старухи везли на кладбище, лошади чего-то испугались и понесли. Гроб упал с похоронных дрог, крышка отскочила, и Уинни, ругаясь на чем свет стоит, вылезла оттуда. Десять лет спустя, когда она умерла «во второй раз», ее многогосударственный муж своими руками вбил в крышку гроба сто пятьдесят гвоздей — так, на всякий случай.

Правда это или вымысел, Илай ничуть не волновало. Но местные подростки полагали, что нежелание Уинни быть преданной земле — веский повод для того, чтобы распивать на ее могиле пиво и нюхать всякую дурь. Поэтому Илай остановил машину и выбрался наружу. Его долговязая фигура склонилась к окну.

— Пойдешь со мной? — обратился он к Ватсону, но пес не соизволил даже приподняться.

Качая головой, Илай зашагал через кладбище к могиле Уинни. Четверо пацанов, слишком одурманенных, чтобы услышать его шаги, зачарованно глядели на синий огонек горелки «Стерно».

— Бу! — негромко произнес Илай.

— Копы! Черт!

Подростки бросились врассыпную. Полицейский мог бы с легкостью переловить их всех, но на этот раз разрешил им удрать. Он выхватил лучом фонарика из темноты последнего из убегающих, потом осветил могилу. Беглецы

оставили после себя сладковатый дымок и две отличные нераспечатанные бутылки «Роллинг рок». Так что, сменившись с дежурства, Илай вполне мог позволить себе выпить пива.

Он нагнулся и сорвал одуванчик, росший у надгробия. И тут же, словно порожденное этим движением, в мозгу у него всплыло слово «*чибайяк*»... Призрак. Слово из лексикона его бабушки, которое жгло язык Илая, подобно острому перцу.

— Никаких призраков, — произнес он вслух и направился к машине, чтобы продолжить объезд и выяснить, какие сюрпризы приготовила для него нынешняя ночь.

Шелби Уэйкман спала весь день и проснулась совсем разбитой. Ей опять приснился тот же сон... Они с Итаном в аэропорту. Она отворачивается на мгновение, а повернувшись, видит, что мальчик исчез. Она в ужасе носится от терминала к терминалу, надеясь его отыскать, и наконец, распахнув дверь, ведущую на взлетное поле, видит, что ее девятилетний сын стоит на полосе, по которой мчит-ся только что приземлившийся самолет.

Откуда взялся этот кошмар? Ведь ничего подобного в жизни с ней не случилось и не могло случиться. Шелби никогда не бывала с Итаном днем в аэропорту, а если бы они там оказались, наверняка не спустила бы с него глаз. Но образ сына, стоящего на взлетно-посадочной полосе с вытянутыми руками и поднятым к солнцу молочно-белым лицом, преследовал ее во сне.

— Земля вызывает маму... Эй, куда ты улетела?

— Прости, — улыбнулась Шелби. — Просто задумалась.

Итан ополоснул тарелку и поставил ее в посудомоечную машину.

— Думать не вредно, — изрек он. — По ночам это даже полезно. Особенно тем, кто не спит.

Прежде чем она успела ответить, Итан схватил свой скейтборд, с которым управлялся так ловко, словно это была часть его тела вроде руки или ноги, и сказал:

— Подожду тебя во дворе, хорошо?

Шелби кивнула, провожая его взглядом. Она множество раз просила его не шуметь, ведь в четыре часа утра большинство людей спит, а не катается на роликовых досках. Но Итан неизменно забывал о ее предостережениях, и у Шелби не хватало духа его одернуть.

Итан страдал ПК, пигментной ксеродермой, — болезнью, делающей его чрезвычайно чувствительным к ультрафиолетовым лучам. Во всем мире насчитывалось всего около тысячи человек, больных ПК. Это врожденный недуг, от которого невозможно излечиться.

Шелби заметила, что с ее ребенком что-то не так, когда Итану было всего шесть недель от рождения. Для того чтобы поставить диагноз, понадобился год обследований и бесконечных анализов. Врачи объяснили ей, что ультрафиолетовые лучи повреждают ДНК человеческих клеток. У большинства людей в организме вырабатываются ферменты, устраняющие эти повреждения... но у больных пигментной ксеродермой этого не происходит. В конце концов нарушается процесс деления клеток, что приводит к раку. Если Итан доживет до подросткового возраста, это можно считать везением, сказали ей.

Шелби решила: если солнечный свет убивает ее сына, значит они будут жить в темноте. Днем они не выходили из дому. Она при свечах читала Итану книжки, которые детям обычно читают на ночь. Окна были завешены тяжелыми шторами, однако ее муж, приходя по вечерам с работы, немедленно раздвигал их.

— На солнце не может быть никакой аллергии, — твердил он при этом. — Это все идиотские выдумки врачей!

К тому времени, как они развелись, Шелби выяснила, что опасность для ее сына представляет не только солнце: флуоресцентные лампы во врачебных кабинетах и неко-

торых магазинах тоже излучают ультрафиолет. Солнцезащитный крем был необходим Итану не только на улице, но и дома. У него было двадцать две шляпы с полями, и надевать одну из них стало для него таким же ежедневным правилом, как для других детей — надевать нижнее белье.

Сегодня он выбрал шляпу с надписью «Кругом дураки», поля которой были загнуты, как раковина улитки. Итан придумал такой фасон, засунув поля под регулируемую ленту, закрепленную сзади. Когда Шелби увидела это, на ум ей пришли лебеди, прячущие голову под крыло. А еще почему-то вспомнились китайки с их крошечными забинтованными ножками.

Убрав в кухне, она вышла во двор и устроилась с книгой на скамье под фонарем. Длинные темные волосы Шелби были туго заплетены в толстую косу, но по открытой шее все равно бежали струйки пота. Неужели Итану хочется кататься на доске в такую душную ночь? Грохоча роликами по деревянному скату, устроенному во дворе специально для него, он совершил рискованный прыжок.

- Мама, видела? Я сделал, как Тони Хоук.
- Круто! — кивнула она.
- Слушай, а тебе не кажется, что было бы здорово...
- Мы не будем устраивать во дворе хафпайп, Итан.
- Но...
- Никогда и на за что.

Поняв, что разговор окончен, Итан умчался прочь, грохоча роликами.

Шелби едва заметно улыбнулась. Ей нравилось, когда Итан вел себя вот так — словно самый обычный мальчишка. Нравилось, когда он, думая, что она занята в кухне и ничего не слышит, включал «Позднюю ночь с Конаном О'Брайеном» и жадно слушал долетающие из большого мира слухи. В такие моменты ей казалось, что ее сын — совершенно нормальный ребенок. Если бы только не луна, льющая с неба тусклый свет... Если бы не лицо Итана —

такое бледное, что вены просвечивали под кожей, точно голубые реки... О, если бы не эти досадные мелочи, жизнь Шелби ничуть не отличалась бы от жизни других матерей-одиночек!

Итан резко повернулся и закружился на месте. Шелби вспомнила, как еще недавно совершенно не различала трюков, которые выделывают скейтбордисты. Вспомнила, с какой острой жалостью думала о себе и сыне... При этом Шелби с трудом удавалось воскресить в памяти события, происшедшие до болезни Итана; воспоминания ускользали, точно рыбы из слишком крупной сети. Такое впечатление, что до рождения сына она вообще не жила. Или это была не жизнь.

Итан резко остановился напротив:

— Умираю с голоду.

— Да ты только что поел! — (Итан заморгал, словно извиняясь.) — Ты, конечно, можешь идти домой перекусить. Но смотри, скоро взойдет солнце, — предупредила Шелби.

Итан взглянул на восток, туда, где на небе уже светила розовая полоса.

— Мама, разреши мне посмотреть на восход, — взмолился он. — Ну пожалуйста! Всего один разок.

— Итан...

— Ну хорошо... — вздохнул он. — Тогда разреши сделать еще три хардфлипа.

— Один.

— Два.

Не дожидаясь ответа — они оба знали, что она непременно уступит, — Итан умчался прочь. Шелби вновь открыла книгу и попыталась читать, но слова мелькали у нее перед глазами, как вагоны грузового состава, близкие и невыразительные. Перевернув страницу, она осознала, что не слышит грохота роликовой доски.

Итан балансировал на скейтборде, поставив его почти вертикально. На изображении супергероя Росомахи, украшающем доску, что-то белело.

— Мама, это что — снег пошел?

Снег в Вермонте шел часто. Но не в августе. Белый вихрь закружился в воздухе, легчайшие хлопья осыпали страницы книги. Но это был не снег. Шелби осторожно подняла белый лепесток, поднесла его к носу. Розы!

Шелби знала, что природа способна на самые невероятные явления. Она слышала о дождях из лягушек и как-то раз сама была свидетельницей ливня из саранчи. Но снегопад из лепестков роз?

Белые лепестки по-прежнему падали с неба, покрывая волосы Шелби и Итана.

— Вот это да... — прошептал мальчик, потрясенный этим сюрпризом природы.

— Пенни. — Кёртис Уорбертон повертел в руках монетку, которую вручил ему Росс.

— И это все?

Росс кивнул. Было три часа ночи, за окнами бушевала гроза, но, несмотря на наличие столь мощного источника энергии, признаки паранормальной активности практически отсутствовали.

— В какой-то момент мне показалось, что я вижу на экране маленький шарик. Увы, как выяснилось, это датчик дыма на задней стене чердака.

— Да, я тоже ни черта не ощущаю, — вздохнул Кёртис. — Лучше бы мы взяли за тот случай в Буффало.

Росс положил использованную пленку в специальный контейнер и сунул его в карман.

— Да, кстати, Ив — ну, жена хозяина — упомянула о своей младшей сестренке. Та умерла, когда Ив было семь.

— Интересно.

Росс и Кёртис спустились в темную гостиную. Мэйлин сидела на диване.

— Есть что-нибудь? — спросил Кёртис, указывая на инфракрасный термометр.

— Ничего. Этот дом так же активен, как старый паралитик.

В дверях гостиной возникла Ив О'Доннелл, придерживающая рукой полы халата.

— Как дела? — спросила она.

— Думаю, мы можем с уверенностью сказать, что вы не единственные обитатели этого дома. — Кёртис протянул ей монетку, которую дал ему Росс. — Я только что обнаружил на чердаке вот это.

— Да... иногда мы находим монетки в самых неожиданных местах. Я говорила об этом Россу.

— Вот как?

Росс, нахмурившись, повернулся к своему боссу. Но прежде чем он успел спросить у него, какого черта он строит из себя дурака, Кёртис снова заговорил:

— Призраки частенько пускаются на подобные шалости. Особенно призраки детей.

Росс физически ощутил, как атмосфера в комнате изменилась. Ив мгновенно прониклась к Кёртису доверием.

— Должен вам сказать, что я чрезвычайно отчетливо ощущаю чье-то присутствие, — продолжал Кёртис. — Здесь есть некто, кого вы хорошо знаете и кто хорошо знает вас. — Он наморщил лоб и потер висок. — Чувствую, это девочка... и еще вижу цифру... семь. У вас, случайно, не было младшей сестры, которая умерла в детстве?

Росс оцепенел. Он смирился с тем, что восемьдесят пять процентов сверхъестественных явлений — розыгрыши, на которые люди пускаются по самым разным причинам. Некоторые просто развлекаются подобным образом, другие надеются попасть на телеэкран, третьи хотят доказать, что все паранормальные исследования — это полная фигня. Сколько было случаев на шоу, когда в стенах, исходящих стенами, обнаруживались микрофоны; еще чаще попадались трясущиеся люстры, к которым была привязана тонкая леска. Но до сей поры Росс был свято уверен, что сами Уорбертоны играют честно.

— Полагаю, было бы неплохо провести спиритический сеанс, — продолжил Кёртис. — За дополнительную плату, конечно.

У Росса застучало в висках.

— Кёртис, можно тебя на минутку? — пробурчал он.

Они набросили куртки, вышли на улицу. Дождь по-прежнему хлестал как из ведра, и они остановились под козырьком гаража.

— Дело принимает неплохой оборот, — заметил Кёртис. — Ты прервал меня как раз в тот момент, когда я подцепил ее на крючок.

— Но ты же не ощущаешь никакого потустороннего присутствия! И об ее умершей сестре ты только что узнал от меня!

Кёртис закурил. Огонек сигареты светился в темноте, словно горящий злобой глаз.

— И что с того?

— То, что ты не должен лгать женщине, чтобы раскрутить ее на деньги и сделать очередную сенсацию на пустом месте!

— Моя работа — исполнять желания клиентов, — усмехнулся Кёртис. — Поэтому я говорю О'Доннеллам то, что они хотят услышать. Эти люди уверены, что в их доме завелось привидение. И они хотят, чтобы мы это подтвердили. Кстати, отсутствие активности нынешней ночью во все не доказывает, что никакого призрака нет. Возможно, он просто затаился, увидев в доме чужих.

— Так или иначе, мы здесь не для того, чтобы обманывать хозяев, — дрожащим голосом возразил Росс.

— Вот уж не думал, что ты такой упертый моралист. Мне казалось, за эти месяцы ты понял правила нашей игры.

Росс никогда не считал себя упертым моралистом. Напротив, за свою жизнь он совершил немало такого, что лишало его претензий на это звание. Но смириться с тем, что творилось сейчас, он никак не мог.

— Мне тоже казалось, что я понял правила игры. И то, что мы пудрим людям мозги, — для меня полное открытие!

Кёртис в сердцах швырнул на землю окурок:

— Мы ничего никому не пудрим! Я собственными глазами видел призрак своего деда. Черт побери, я же показывал тебе фотографию, на которой призрак стоит в изножье моей кровати! Я не занимаюсь изготовлением фальшивок, Росс. Вспомни, ты же сам видел, как из озера поднималась голова призрака. По-твоему, это устроил я? Если ты не забыл, я тогда вообще был в другом штате. — Кёртис несколько раз глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться. — Никто не собирается дурачить этих О'Доннеллов! Но я бизнесмен, Росс, и должен соответствовать запросам своих клиентов.

Росс не нашелся с ответом. Зато он точно знал, что подобный бизнес ему не по душе. Выходит, он впустую потратил девять месяцев своей жизни! Он вовсе не был простофилей, но, очевидно, поддался обаянию Кёртиса — так же как и О'Доннеллы. Похоже, Росс видел лишь то, во что хотел верить...

Пожалуй, Мэйлин вправду обладала телепатическими способностями, потому что она неожиданно выглянула из дверей:

— Кёртис, вы долго собираетесь здесь торчать?

— Видишь ли, Росс у нас стоит на распутье. Не может выбрать между дорогой I-81 и путем высоких моральных принципов.

Росс выскочил под дождевые струи и зашагал прочь. Пусть Уорбертоны думают что хотят. Он тоже имеет право думать все, что хочет. Видеокамера и рюкзак Росса остались в доме, но ему было на это наплевать. Взамен утраченных вещей можно приобрести новые. А вот если он полностью утратит самообладание, восстановить его будет куда сложнее. Оказавшись в своей машине, Росс включил

обогреватель на полную мощность, пытаясь избавиться от дрожи, сотрясавшей его тело. Проехав не менее мили, он заметил, что забыл включить фары. Росс съехал на обочину и несколько раз вдохнул полной грудью, пытаясь заставить свое сердце биться спокойно и ровно.

Росс понимал, что значит научно фиксировать паранормальные явления. Знал, что документальные свидетельства можно интерпретировать по-разному. Он снимал на пленку блуждающие огни на кладбищах. Записывал голоса, звучащие в пустых подвалах. Ощущал холод в теплых комнатах, где не было никаких сквозняков. В течение девяти месяцев Росс надеялся, что рано или поздно найдет вход в тот мир, где пребывает Эйми... и в результате нашел дверь, грубо намалеванную на стене.

Упершись лбом в эту чертову стену, он не представлял, куда двигаться дальше.

Проснувшись, Эз Томпсон обнаружил, что рот его полон камней, маленьких и гладких, как оливковые косточки. Выплюнув не менее пятнадцати камешков на свою морщинистую ладонь, он ощутил, что может дышать, не опасаясь подавиться. Эз сел на своей раскладушке, пытаясь прогнать неприятную мысль. Мысль о том, что камни, которые он только что выплюнул, могли оказаться в земле, быстро дать всходы и превратиться в густые злоецие заросли. Вроде тех, что в сказке белых людей оплели замок заколдованной девушки. Бедняжка погрузилась в сон, и разбудить ее мог только поцелуй...

Эз не имел ничего против ночевки в палатке; ему одинаково хорошо были известны два мира — мир природы и мир янки; он знал их с тех пор, как себя помнил. Старик откинул полог, вылез наружу и направился под навес, где все остальные уже собрались в ожидании завтрака. Плататы и постеры, прикрепленные к деревянным щитам, кучей лежали в стороне. Подобно куклам чревоуцателя,

сейчас они, лишённые оживляющего их духа, казались ненужным и бесполезным хламом.

— Привет, — буркнул Эз и побрел к костру, зная, что для него непременно найдется там местечко.

Все остальные обращались с ним так, словно он — как минимум Эйб Линкольн, удостоивший их своим присутствием. Тот факт, что Эз еще жив, внушал людям уважение, переходящее в благоговейный трепет. Конечно, он не был ровесником Эйба Линкольна, но отставал от него совсем немного. Ему было не то сто два, не то сто три года — со счета он сбился много лет назад. Он знал умирающий язык своего народа, и по этой причине его почитали как гуру. К тому же возраст Эза сам по себе делал его племенным старейшиной, впрочем это не имело практически никакого значения, поскольку абенаки не относились к числу официально зарегистрированных племен.

Ощущая, как скрипят и хрустят все его позвонки и суставы, Эз опустился на складной стул. Взял бинокль и принялся разглядывать раскинувшуюся перед ним пустошь, обширное пространство к северо-западу от пересечения Монтгомери-роуд и Оттер-Крик-Пасс. Вдали на возвышении стоял большой белый дом, неуместный, как бельмо на глазу. Стоять ему осталось недолго, это Эз знал точно. Он знал об этом доме все, начиная от размеров участка и заканчивая регистрационным номером договора купли-продажи. Также старику было известно, в каких местах земля промерзает здесь особенно сильно и где никогда не будет хорошего урожая. Он помнил, какое окно в заброшенном доме разбили малолетние сорванцы, какая сторона крыльца обвалилась первой и какие ступени лестницы прогнили насквозь.

Еще он знал номера всех машин, стоявших на парковке. Все они принадлежали сотрудникам компании «Редхук». По городу ходили слухи, что Ньютон Редхук намерен построить в Комтусуке первый торговый центр. На месте, где находились захоронения индейцев.